

«Жизнь в театре требует полной отдачи», —

говорит солистка оперы Марина ШУТОВА

Редакция. Марина, в последнее время вас не было видно в театре. Вы были на гастролях, где?

М. Шутова. В Париже, но не на гастрольях, а на прослушивании в театре «Шатле». Я удачно там выступила, исполнила несколько арий, в том числе Амнерис, и на этот сезон у нас планируется совместная работа. Добрые слова, которые я услышала там в свой адрес — о высоком уровне исполнения, вокальной культуры адресованы, прежде всего, русской школе. И я рада, что смогла подтвердить это.

Ред. Чем в первую очередь определяется ваш интерес к гастроллям?

М. Ш. Прежде всего это, безусловно, расширение репертуара, творческий рост. Вариться в собственном соку в родном, пусть даже замечательном театре вряд ли на пользу артисту. Когда куда-то приезжаешь и видишь, слушаешь прекрасных певцов, выходишь вместе с ними на сцену, это не остается без результата. В конечном итоге все это — знакомство с новыми именами, с новой исполнительской манерой, языковые нюансы — закладывается в твое образование. И то, что ты приобретаешь на гастрольях — новый опыт, новый взгляд, — используется потом на сцене Большого театра.

Ред. На какой репертуар вас приглашают — западный или русский?

М. Ш. Этой зимой я на два месяца уезжаю в Германию на постановку «Трубадура», буду петь Азучену, и, кроме того, Амнерис в «Аиде». Так что две моих ближайших работы за рубежом — вердиевские. Надеюсь, что когда-нибудь смогу исполнить эти партии и на родной сцене.

Ред. Расскажите, как складывается ваша карьера в Большом театре? Насколько сегодня ваша творческая судьба соответствует тому, о чем вы мечтали восемь лет назад, когда стали практиканткой Большого?

М. Ш. В общем я не могу пожаловаться на судьбу. Этот сезон пока для меня благоприятен, как, впрочем, и конец прошлого сезона, когда наконец-то спела Любашу в «Царской невесте». Сегодня я чувствую, что могу реализовать свои возможности, и самое главное, в театре идут мне навстречу. Театр — мой второй дом, я здесь росла, набираюсь опыта, умения, мастерства. Не скрою, не всегда все было гладко. Был в моей жизни очень сложный

период, когда я чувствовала перед собой словно какую-то преграду. Становление певца зависит от того, много ли он будет петь, насколько интересны и полезны для него партии, пополняющие его репертуар. Было время, когда мне хотелось делать больше, чем я делала, но

отклика в театре не находила, не чувствовала к себе как к певице уважительного отношения. После того, как я спела Шарлотту в «Вертере», несколько лет мне не давали спеть ни одной главной партии, что, естественно, затормозило мой творческий рост. Состояние неопределенности вызвало чувство неуверенности в себе, неудовлетворенности тем, что я делаю. Казалось, эту стену невозможно пробить. Но я продолжала много работать, занималась с педагогами, постепенно, видимо, произошло накопление творческого капитала, это заметили и оценили в театре. Сейчас я не чувствую перед собой каких-либо преград, все, что я хотела бы спеть, — в моих возможностях.

Ред. Какие роли сегодня в вашем репертуаре?

М. Ш. Почти все меццо-сопрановые партии. Это — Любаша, Полина в «Пиковой даме», Ольга в «Онегине», Клара в «Обручении в монастыре», Шарлотта в «Вертере». Готовлю партию Вани в «Жизни за царя». Несколько лет назад мне предложили спеть Ваню, но я не была к этому готова. Думаю, что тогда это могло мне только помешать, даже навредить. А сейчас — нет. И, конечно, я мечтаю спеть на сцене Большого театра и Марфу в «Хованщине», и Марину Мнишек в «Борисе Годунове», и Кармен. Эти партии у меня уже готовы.

Ред. Как получилось, что вы стали певицей?

М. Ш. Артисты часто отвечают на этот вопрос — я пою с детства. Это стандартный, привычный ответ, но это факт — я пою с дет-

ства. Для меня это всегда было органичным состоянием. Профессиональных певцов в моей семье нет. Но у папы был замечательный, поставленный от природы голос. Он великолепно играл на аккордеоне и баяне, не имея музыкального образования, и музыка всегда присутствовала в нашем доме. Еще в школе я стала петь в детском хоре при Академии педагогических наук, руководил которым профессор В. Г. Соколов. Это был замечательный коллектив. Мы пели в основном классику — Баха, Бетховена, Листа, Сен-Санса, Рахманинова, Танеева, Чайковского. Незабываемо чувство восторга от соприкосновения с этой замечательной музыкой.

В жизни мне везло на хороших людей. В моменты выбора всегда кто-то добрым советом помогал найти правильное решение. Когда после окончания школы передо мной встал вопрос: куда пойти учиться (а в этом возрасте, надо сказать, мало кто может самостоятельно решить этот вопрос, я и не предполагала тогда, что стану певицей, мне это казалось совершенно нереальным), В. Г. Соколов сказал мне: «Тебе обязательно надо учиться петь, у тебя хорошее контральто». И я поступила в музыкальное училище при консерватории в класс заслуженной артистки республики Н. К. Поставничей. Она была тогда известной певицей, пела на радио, люди старшего поколения помнят ее. Замечательный человек и педагог. Именно она помогла мне сделать окончательный выбор. Когда я перешла на второй курс училища, Нина Константиновна предложила мне готовиться к поступлению в кон-

серваторию, убедила, что стоит рискнуть.

Ред. В консерватории вы учились у Е. В. Образцовой...

М. Ш. Да, и это был особый период в моей жизни. Общение с Е. В. Образцовой — певицей уникального таланта — дало мне очень много и в профессиональном, и в человеческом плане. Когда я окончила консерваторию, встал вопрос, что делать дальше? У меня был ряд приглашений в театры Союза. Елена Васильевна сказала: попробуй поступить в аспирантуру. Я так и сделала и осенью поступила в аспирантуру. А весной рискнула прослушаться в Большой театр и в итоге стала его практиканткой. Это было большой удачей. Но потом начались трудности. Прежде всего, я оказалась совершенно неподготовленной к нагрузкам оперного артиста, непривычен был и ритм театральной жизни, а у меня тогда уже был маленький сын. Кроме того, оперный театр требует совершенно иного уровня вокальной подготовки, техники дыхания. Я поняла это, когда уже стала входить в репертуар: почувствовала, что не выдерживаю. Единственное, что могло спасти положение — работа. Я стала усиленно заниматься.

Ред. Скажите, помогало ли вам, что вы работали в одной труппе со своим педагогом?

М. Ш. В общем нет. В результате многие смотрели на меня предвзято, считая, что Елена Васильевна пристроила в театр свою ученицу. Конечно, это было неприятно. Я могу откровенно сказать, что все, чего я добилась в театре, добилась только своими силами. И никогда никто не

ходил за меня хлопотать, просят. Я осваивала театральную жизнь, работая с удвоенной энергией. Полтора года занималась с П. Г. Лисицианом, который мне очень помог. Мы начинали буквально с азав, и постепенно я стала чувствовать себя более уверенно, наметились какие-то сдвиги... Консультировалась и у Т. А. Милашкиной, и у Л. А. Никитиной, короче говоря, я старалась набраться знаний как можно больше, впитывая все новое, как губка. Неоднократно обращалась и к Н. Н. Терентьевой, которой восхищаюсь. Несколько раз я просила Нину Николаевну послушать мои вводы в спектакли, и каждый раз она с удовольствием соглашалась, ее советы очень помогли мне, например, когда я пела Любашу. Я старалась сделать все возможное, чтобы достичь уровня, достойного солиста оперы Большого театра. Вопрос стоял так: либо довольствуюсь тем, что имею, либо добиваюсь большего, а я знала, что мне это по силам. Ощущение какой-то потерянности, незаметности, неопределенности непримлемо для моей природы. По характеру я борец. Не могу смириться с тем, что считаю неправильным, несправедливым.

Ред. Чтобы добиться успеха на оперной сцене необходим целый комплекс качеств, где незаурядные вокальные данные сочетаются с даром драматическим. Легко ли вам дается создание образа на сцене?

М. Ш. Легко. Такова, видимо, моя природа. Никаких проблем в этом плане у меня не было. На сцене мне легче, чем в классе, чем на спевке. Я естественно чувствую себя в спектакле, где я

уже не Марина Шутова, а Любаша, Клара, Ольга... Происходит перевоплощение, все «мое» уходит, и я живу жизнью своей героини.

Ред. А в жизни вы часто играете?

М. Ш. Приходится. Да и театральная жизнь этого иногда требует. Очень долго я никак не могла адаптироваться в театре, потому что по сути я человек — очень искренний и открытый, кроме того, безумно доверчива. Но через некоторое время я поняла, что так жить нельзя, потому что это делает тебя чрезвычайно уязвимой.

Сейчас я много пою, чувствую к себе внимание, доброжелательное отношение, а главное — интерес. И хочется сделать как можно больше. Артист — натура ранимая, эмоциональная, все пропускающая через сердце. Любые неурядицы моментально сказываются на творческой форме, на голосе. Нарушить душевное равновесие артиста очень легко.

Ред. Как вы считаете, сейчас существует в театре дефицит доброго отношения друг к другу?

М. Ш. Мне кажется, психологическая обстановка в труппе становится лучше. Есть ощущение творческой свободы. Если у меня возникают какие-то свои предложения, я знаю, что они будут услышаны. Я чувствую интерес к себе как к личности, как к человеку, как к певице. В прошлом сезоне я спела Любашу. Это была целиком моя инициатива, но она была услышана и поддержана. Когда я показала свою работу дирижеру А. Н. Чистякову, ему понравилось, он поддержал меня. Мой дебют в «Царской» был замечен, я услышала много теп-

лых слов и от коллег, и от руководства театра. Это было очень приятно. Прошлый сезон был для меня также очень продуктивным в концертном плане. Мне было интересно работать над программой из стаинных русских романсов, а также над произведениями западных композиторов.

Ред. А как формируется ваш концертный репертуар?

М. Ш. Я сама его подбираю. В последнее время стала обращаться не только к тому, что мне близко, но и к тому, что раньше казалось слишком сложным. Так стали меня привлекать камерные программы М. Глинки, я почувствовала в них «изюминку». Люблю петь в концертах П. Чайковского, С. Рахманинова. У меня есть мечта — подготовить с оркестром ряд больших оперных программ, куда войдут дуэты из «Трубадура», сольные номера и дуэты из «Аиды», многое другое. Конечно, хотелось бы петь с хорошими партнерами.

Ред. Как складываются ваши отношения с партнерами? Есть ли певцы, работа с которыми для вас — радость?

М. Ш. Безусловно. Наверное, как и у любого артиста. Поскольку меццо-сопрано больше приходится работать на сцене с тенорами, мне бы хотелось назвать Володо Богачева. Я не перестаю удивляться тому, как естественно он на сцене, как ярко и талантливо работает, я уже не говорю о прекрасном голосе. Мне доставляет колоссальное удовольствие петь с ним. А в этом году мы с П. Кудрявченко мечтали сделать совместную концертную программу. Очень хотелось бы найти время и возможность реализовать эти планы.

Ред. Как при таком насыщенном графике вы находите время для семьи? Это проблема?

М. Ш. Еще какая! Моему сыну восемь с половиной лет. И сейчас он особенно остро нуждается во внимании, в постоянном общении со мной. Его слезы, когда я уезжаю, — моя постоянная боль. В общем мы оба страдаем. Мне очень хочется сохранить наши отношения — полные любви и взаимного доверия.

Ред. Хватает ли у вас времени на то, чтобы читать, ходить куда-то помимо театра?

М. Ш. Как ни странно, хватает. Я неожиданно открыла, что чем больше я втягиваюсь в какие-то дела, тем больше успеваю. Сейчас начала заниматься немецким языком. Придется часто бывать в Германии, и необходимо хоть немного сдвинуть язык с мертвой точки. Партии Азучены и Амнерис я учила на итальянском, хочу свободно владеть этим языком. В Европе знание нескольких языков — норма, у нас — исключение. В перспективе хочу заняться английским. У меня проснулся необыкновенный интерес к этому, хочу научиться общаться с людьми без переводчика. Нахожу время и для чтения. Но вот бывать где-то редко могу себе позволить. Получается, что свободного времени в чистом виде у меня нет, все время посвящено подготовке к спектаклям — нынешним или будущим. В общем свободное время — оно же рабочее время.

Ред. Пожелали бы вы своему сыну театральную судьбу?

М. Ш. Только, если будет талант и огромная любовь к делу. Жизнь в театре требует полной отдачи, а подчас и жертв.